Вместо привычной шумной суеты в замке воцарилась в его стенах гробовая тишина. Граф Штейнах лежал в покоях, выходящей в парк, где его не мог потревожить ни малейший шум.

Состояние его улучшалось с каждым днем. К счастью, пуля не задела никаких важных частей тела, и, преодолев горячку после ранения, он постепенно шел на поправку.

В эти дни Уолли выказывала такое беспокойство, что можно было поверить, что для нее нет ничего важнее, чем видеть его снова здоровым.

Более преданной сиделки, чем она, нельзя было себе представить; день и ночь она сидела у постели мужа и следила за каждым его малейшим движением.

Но какие мысли витали в ее голове, как сильно ее расстроила неудача ее затей — этого, конечно, никто не мог знать.

Выехать из замка в это время не представлялось возможным, и поэтому она не знала, что стало с Куртом. С тех пор как с мужем произошел несчастный случай на охоте, она не видела Курта и не слышала о нем, и в молчании опочивальни тщетно ждала от него вестей.

Почему он не приходил к ней? В ней поднялся сильный страх, так как она чувствовала, что он способен исполнить свои угрозы и все рассказать Гансу, как только тот поправится.

К всему этому добавлялась постоянная тяжесть от потери ребенка! Все расспросы, которые она втайне наводила о своем Хайни, и сейчас оставались безрезультатными.

А другой ребенок, принадлежавший слепой графине, благополучно проживал там, под присмотром старой Эрмины.

Огорченная исчезновением ребенка, Уолли не могла отправиться в деревню и повидать маленького Гарольда. Один его вид приводил ее в ярость, и поэтому она держалась подальше от малыша, а деньги на уход за ним отправляла Эрмине с тайным посыльным.

И вот сегодня она сидела у кровати, положив голову на руки, и думала о том, что будет, если Ханс полностью выздоровеет, а Курт снова обратится к ней со своими требованиями и угрозами.

Тихий стук в дверь вывел ее из раздумий, и тут же слуга доложил, что с ней желает поговорить по срочному делу какой-то господин.

— Вы не спросили, как его зовут? — осторожно поинтересовалась Уолли.

— Да, госпожа, я спрашивала, но он мне не ответил. Он только сказал, что он ваш знакомый, госпожа графиня! — ответила горничная.

«Неужели это Курт? — вдруг промелькнуло у нее в голове. — Как неосмотрительно с его стороны явиться в замок!»

Бросив еще один мимолетный взгляд в сторону больного, Уолли поспешно вышла из комнаты. Но не успела она открыть дверь в салон и взглянуть на представшего перед ней мужчину, как с громким криком отпрянула и в недоумении уставилась на него.

Это был не кто иной, как барон Эвальд фон Альтендорф, в глазах которого читался гневный блеск.

— Вы — здесь? — задыхалась Уолли, едва держась на ногах.

Вдруг в стройной фигуре барона промелькнуло какое-то озарение, и он, решительно шагнув к ней, с вызовом произнес:

— Мне хочется верить, что мой вид пугает вас, потому что он напоминает вам о вашей вине! То, что вы сделали со мной, заставило мое сердце разбиться! Когда-то я, доверившись тебе, предложил руку и сердце, привел тебя в свой замок и постарался сделать все, чтобы ты была счастлива!

И чем же ты отплатила мне за все это? За моей спиной ты закрутила роман с моим управляющим. А потом, в довершение своего позора, ты тайком сбежала с ним!

От волнения и потрясения Уолли опустилась на стул. Она, обычно столь многословная, сейчас молчала. Сложив руки на коленях, она смотрела в пол, не решаясь встретить его гневный, обвиняющий взгляд.

— Стыд и позор вы накликали на меня! — продолжал барон мрачным, гулким голосом. — Слишком поздно я понял, кому доверился, и когда я это понял, последняя искра любви погасла во мне! Я благодарю Бога за то, что все так вышло и что ваше бегство открыло твою змеинную натуру.

Уолли не могла вымолвить ни слова, и только легкая дрожь в ее теле выдавала, как сильно бурлит в ней неистовый гнев.

Она, исполненная гордости и радости, несколько лет назад стала женой барона, но вскоре ей надоело с ним жить. Некоторое время она флиртовала и заигрывала с Куртом Хаммером, управляющим, пока, наконец, не охваченная страстью, не согласилась сделать все, что он от нее требовал.

Однако позже она вновь пожалела о своем безрассудстве, в результате чего променяв беззаботную жизнь в замке мужа на другую, менее приятную, пока, наконец, не нашла приют в доме своей кузины Герды.

Но поскольку ее мысли все время стремились к блеску и богатству, она очень скоро выбрала в качестве своей новой жертвы графа Штейнаха, тем более что она уже давно рассталась со своим мужем.

Теперь, когда она нерешительно подняла глаза на барона, в ней проснулась решимость, и она, выпрямившись во весь рост, холодно ответила:

— Для этого ли вы пришли сюда, чтобы сказать мне это? Все прошлое для меня вычеркнуто из памяти, поэтому я не понимаю, с какой целью вы пришли сюда!

Барон в гневе сжал руки и уже собирался выпалить какое-нибудь гневное замечание, как вдруг опомнился и ответил спокойным, но настойчивым голосом:

— Вы сейчас поймете, зачем я пришел к вам! Я принял под свою защиту слепую графиню, которая так неизмеримо страдает от ваших рук, у которой вы отняли все, поистине все — любовь ее мужа, ее дом и ее ребенка!

С приглушенным криком Уолли отступила назад и ошеломленно посмотрела на барона.

— У вас... она теперь у вас... ах... — растерянно пролепетала она.

— Да, я забочусь о ней, — мрачно повторил барон, — потому что о ней больше некому позаботиться! И я постараюсь как следует защитить права этой несчастной женщины! Поэтому я и пришел сюда, чтобы узнать у тебя о местонахождении ребенка слепой графини!

— Вы слишком многого от меня требуете! — язвительно усмехнулась Уолли, с трудом подавляя в себе глубокую ненависть. "Графиня сама ночью забрала ребенка из замка, и только она одна знает, куда он подевался.

— Ребенок, которого она забрала из замка, оказался вовсе не ее ребенок! — взволнованно вскричал барон. "У Гаральда была небольшая шишка на правом плече, но у ребенка, которого графиня забрала ночью, этой шишки нет".

Уолли издевательски расхохоталась.

— О, как часто такие вещи снова появляются у маленьких детей! Я не могу сказать вам ничего, кроме того, что я... я не знаю, где Гарольд!

Аллендорф снова приблизился к ней и, впившись в нее взглядом, угрожающим тоном произнес:

— Я вижу по твоему лживому лицу, что ты мне лжешь, вижу в твоих глазах! Если ты сейчас же не скажешь мне, куда увезла ребенка графини, то ты узнаешь на что я способен! Я знаю, что граф Штейнах поправляется, и я сделаю все возможное, чтобы он как можно скорее узнал, кто ты такая на самом деле!

Из уст Уолли вырвалось словно шипение, и теперь она уже не могла скрыть своей ненависти к нему. Глаза ее гневно вспыхнули, но, не ответив, она отвернулась от него. Крепко схватив ее за руку, он воскликнул, задыхаясь от гнева и возмущения:

— Берегись, Уолли, со мной шутки плохи! Ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы понять, что я осуществлю все задуманное! Ты скажешь мне, где Гарольд?

Несколько секунд Уолли стояла, тяжело дыша; его угрозы все-таки возымели эффект. Что же ей делать, задумалась она.

Следует ли ей отдать ему ребенка? Нет, ни в коем случае. Лишь бы только не отдать ребенка слепой графине, — все в ней клокотало против этого. Герда не должна одержать победу!

А если барон выполнит свои угрозы и обвинит ее перед графом? Уже в следующее мгновение она вызывающе подняла голову и, пожав плечами, снова сказала:

— Если вы мне не верите, я ничем не могу вам помочь! Я только еще раз повторяю, что ребенок, которого Герда забрала из замка, принадлежит ей!

Как хорошо барон знал эту змею! По тому, как слегка дрогнули уголки ее губ, он понял, что она лжет ему. Тогда его охватил страшный гнев. Сжав руки в кулаки, он угрожающе воскликнул:

— Хорошо, ты сама бросила мне вызов, так пусть будет по-твоему! Я узнаю, где находится ребенок графини! Но за то, что ты так бессовестно лжешь мне, ты еще заплатишь!

Не обращая больше на нее никакого внимания, он выбежал из комнаты. Застыв на месте, она с

горькой усмешкой смотрела ему вслед.

— Только этого мне не хватало! — с досадой воскликнула она. — Как будто мне и так не хватает забот, так он ещё мешается у меня под ногами! А Герда, как ни странно, нашла у него убежище! Защищая ее интересы, он пойдет на все. Он не успокоится, пока не добьется ее победы!

Но этого не случится! Я должна попытаться не допустить этого любой ценой! Хорошо, Эвальд Альтендорф, вы хотите борьбы, а уж кто из нас выйдет победителем, покажет только время!"

В то время как Уолли с бурным волнением в сердце возвращалась в комнату больного, барон поспешно покинул замок. Но вдруг он остановился, словно прикованный к земле.

«Если она спрятала где-то ребенка графини, — подумал он про себя, — то, несомненно, скоро отправится туда, чтобы предупредить кормилицу о его обнаружении. Значит, мне остается только следить за ней, потому что только так я смогу узнать, где она прячет ребенка».

Решившись, он тотчас же спрятался за кустом, откуда мог незаметно наблюдать за тем, кто выходит из замка. К этому времени стемнело, и, кроме слуги, Альтендорф не видел, чтобы кто-то выходил из замка. Его терпению предстояло серьезное испытание. Он уже подумывал, не отправиться ли ему домой, как вдруг заметил фигуру, закутанную в темный плащ.

Выйдя за ворота, она быстро огляделась по сторонам, как будто ее могли заметить, и торопливо зашагала в сторону деревни.

С первого взгляда барон Альтендорф узнал в ней свою бывшую жену; теперь важно было не потерять ее из виду. На небольшом расстоянии он шел позади нее. Он видел, как она торопилась в сторону деревни и наконец скрылась в небольшом убогом домике. Парадные окна дома оставались темными, но, обойдя дом, он заметил свет в одной из дальних комнат.

Осторожно он подошел к освещенному окну и заглянул внутрь. Его взгляд упал на фигуру в плаще, которая только что вошла в комнату. Она откинула вуаль, и теперь он узнал побледневшие от волнения черты Уолли. Затаив дыхание, барон следил за каждым ее движением.

Барон увидел, как она сказала несколько слов пожилой женщине, подошедшей к ней, а затем подошла к колыбели, над которой склонилась. Но на ее лице не отразилось ни одного нежного выражения. Напротив, она мрачно и холодно смотрела на маленькое существо в колыбели. Казалось, что вид ребенка доставляет ей сильную боль, потому что, смутившись, она поспешно отвернулась от него и стала медленно обводить глазами комнату.

Только сейчас она заметила, что ставни еще не закрыты, и властным тоном приказала старой Эрмине закрыть их. Разочарованный, Альтендорф отступил назад, теперь уже не имея возможности увидеть, что происходит в комнате.

"Наверняка она хочет забрать ребенка, чтобы пристроить его в другое место если вообще не решит избавиться от него?" — промелькнуло у него в голове.

Словно замороженный, он некоторое время стоял неподвижно и напряженно вслушивался, пытаясь понять, что происходит внутри. Но тщетно — до него не доносилось ни звука.

Наконец он отошел от дома подальше, прошел дальше и укрылся за сараем, откуда не спускал глаз с двери маленького домика. Прошло совсем немного времени, и Уолли снова появилась на

пороге. Пока она натягивала вуаль на лицо, барон мог отчетливо увидеть, что в руках у нее ничего нет. Прошептав еще несколько слов старухе, Уолли поспешила прочь так же быстро, как и пришла.

«Если б она знала, что я проследил за ней, — торжествующе усмехнулся про себя барон. — Теперь я знаю, где ты прячешь ребенка графини, и теперь мне будет легко вернуть бедной матери ее любимца!»

Так как уже наступил поздний вечер, и он не хотел предпринимать никаких дальнейших действий, да и какая-то тревога подгоняла его домой, барон поспешил на постоялый двор, где оставил свою лошадь, а затем скорым галопом поскакал обратно в Финкенштейн. Он прибыл туда около полуночи. Его первый взгляд устремился к окнам Герды. Они были темны, наверняка она уже крепко спала и грезила о своем малыше.

При мысли о том, что она примет из его рук свое счастье, своего ребенка, в его глазах мелькнул яркий лучик радости. Он сам отвел лошадь в конюшню, вручил ее сонному слуге и поспешил в замок.

Как билось его сердце в предвкушении счастья! А Герда! Если бы она только знала, какую новость он принес ей — с какой радостью она бы пожертвовала ради этого ночным покоем! Ему все еще хотелось взглянуть на нее. Лампа, которую она всегда оставляла гореть на ночь, позволяла ему это сделать.

Тихонько приоткрыв дверь в спальню, он приоткрыл ее на столько, чтобы можно было посмотреть на Гедру. Но, к своему изумлению, он понял, что в комнате темно! Как сжалось его сердце!

В этот момент из-за туч вышла луна, и лунный свет залил комнату. Но, к своему изумлению, он не смог подавить возгласа удивления — Герды не оказалось на месте, ее постель оказалась нетронутой!

— Что... что это значит? — заикаясь, проговорил барон. — Почему...

Он не договорил фразу. Поспешно закрыв дверь, он торопливо прошел в парадные комнаты. Неужели она ждет его там? Здесь тоже все было погружено в темноту. Он потянулся к выключателю на стене, раздался тихий треск, и вспыхнул электрический свет.

— Герда! — позвал он. — Где вы, графиня?

Нет ответа.

Значит, в соседней комнате! Она должна быть там!

— Графиня! — позвал он. Он замер на пороге смежной комнаты. Но там тоже никого не оказалось...

Ничего, ничего — никаких признаков Герды!

По его коже пробежал мороз.

Теперь он понял, что за время его отсутствия что-то произошло.

— Герда, — вновь с тревогой и мольбой, сорвалось с его губ ее имя, когда его взгляд снова

устремился в гостиную. Вдруг он увидел, что на столе лежит что-то белое. Машинально, но с беспокойно колотящимся сердцем, он подошел и шагнул к столу.

Письмо! Аллендорф поднял руку, чтобы взять его, но не успел прочитать — как побледнел. Обе руки сильно задрожали, и теперь он опирался на стол. Его глаза как-то неестественно расширились. Внезапно из его груди вырвался хриплый крик, крик ужаса и отчаяния.

Как это могло получиться? Неужели Герда тайком покинула замок? Неужели она убежала из замка ночью? Что могло случиться с беспомощной и слепой женщиной за это время? Если она заблудилась, если забрела в болото...

Его взгляд снова упал на немногие оставшиеся строки, которые, и он прочел: "Не сердитесь на меня, барон, за то, что я тайком покинула ваш замок! Но я так напугана, что не знаю, что делать! Я содрогаюсь от страсти, которую вы мне сегодня открыли! И поскольку я никогда не смогу быть для вас никем, то лучше мне уйти! Я тысячу раз благодарю вас за вашу доброту и прощаюсь с вами!"

Из его груди вырвался приглушенный стон, затем он поднес бумагу к губам и покрыл пылкими поцелуями слова возлюбленной. Он как никогда остро чувствовал, что не может больше жить без нее, что она для него — самое прекрасное и дорогое, что есть на свете.

— Я должен отправиться за ней и не успокоюсь, пока не отыщу ее и не спасу её! — прошептал он. — Великий Боже, пусть с ней не случится ничего плохого! Если она забрела в болото, то моя помощь окажется слишком запоздалой — она все равно уже погибнет!

Полубезумевший от страха, он бросился из комнаты в ночь.

<http://tl.rulate.ru/book/92712/3109218>